

5. «Венедикт мой любимый брат». — «Я его не люблю». — «За что же?» — «За то, что в нем нет того, за что я люблю вас (т.-е. демократического направления)».

6. Она сидела на диване в бабушкиной комнате, Катерина Матв. у второго окна на улицу. Итак, сначала я сидел подле Кат. Матв., после пересел к Ольге Сокр.

Писано 14 марта в 12 часов вечера.

7. Мне, наконец, сказал Палимпсестов, что хозяева (собственно Бусловская) находят, что я уже слишком зашалился. Да и в самом деле, кажется, уж я очень шалил.

8, лист 1. Она после говорила мне, что это было чрезвычайно странно, что это даже показалось ей слишком дерзко прямо в первый раз объясниться в любви, но что она подумала: «Оскорбиться мне или не показывать этого? обратиться в шутку? лучше обращаю в шутку!» О, как она мила, добра и умна!

9. 2 лист, 1 стр. Она в самом деле приняла это за оскорбление, как я теперь вижу после этих слов ее, которые записаны в 8 примечании.

10. . . Вы требуете от меня, чтобы требовала от вас доказательства любви; если так, сказала она, прежде всего бросьте вашу папироску. Я загасил ее.

11. . . Неужели вы считаете, что я так глупа, что могу этому верить? — Почему же? То, конечно, я шутил, когда уверял вас в моей пламенной любви, но теперь я не говорю ничего такого.

12. . . Она, кажется, принимала это и в этот раз за слухи о том, что она держит себя слишком свободно, потому что и раньше уж говорила несколько раз на мои подобные выражения, что я люблю ее за то, что слышал о ней. — Отвечала на это, что она знает, что о ней говорят очень много дурного.

Теперь прочитал 1 страницу 2 листа. Ложусь.

ДНЕВНИК. МАРТ, 1853.

Писано 4 марта, 8^{1/2} час. утра.

Жизнь моя с 19 числа [февраля] стала так богата, что я хочу, чтобы можно было всегда мне припомнить день за днем события, которые все перемешаны, все просветлены мыслью о ней. Через эту мысль о ней и они становятся для меня милы.

4, среда. В гимназию не пойду, потому что не совсем еще прошла охриплость и боюсь, что напряжение голоса в гимназии увеличит ее. Утро все буду заниматься проверкою своего словаря (теперь я поправляю пропущенные и неправильно отмеченные цифры, это ныне кончу). Вечером должен к Николаю Иван., чтобы быть у Стефани. Вчера был вечером у Анны Никаноровны, ко-

торая меня приняла попрежнему; не знаю, хитрость ли это, чтобы не высказать нашей новой дружбы...^{*} и матери или — скорее — мое предыдущее посещение не разрушило ее подозрений против меня. А утром отнес переплестать Кольцова для О. С., которой имя велел выставить (О. В.). Должно будет заплатить вероятно 3 руб. сер. (а думал, что будет стоить не более 2), готово будет в субботу. Завтра думаю быть у Малышева, к которому ездил было вчера, но не застал дома. Вечером сидел Евгений Алекс. до 10¹/₄ часов. 3 часа убито.

5. Утро все писал дневник и разбирал листки. К 4 час. кончил разбор листков совершенно, после стал думать о диссертации. Решился прежде всего отделить места, писанные не напыщенным языком, от напыщенных, и написал несколько строк предисловия. Вечером недоволен, потому что с 7 до 10¹/₂ просидел у Мелантовича, который присылал записку с просьбою помочь на экзамене одному поляку. — Как это меня взбесило! Видно не почел за нужное итти сам! Не считает меня достойным личного посещения! И моя жена будет иметь такого мужа, который доставит ей положение в обществе такое незавидное! Нет, это несносно! Мало-по-малу сообразил, что это вовсе не от гордости, а потому, что я не просил его к себе, и потому, что я живу не один, а с семейством. Но как можно потерять 3¹/₂ часа, когда минуты так дороги! Однако я не думал, чтобы было 10¹/₂, я думал 9. И еще глупость: пригласил Ник. Ив-ча, который был там! Снова потеря времени. В гимназии не был и завтра не буду. Принимаюсь за главный дневник, чтоб написать там страницу. Нет, не хочу, чтобы не кончить описанием сомнений. Завтра лучше окончу свои сомнения и начну описывать свои впечатления.

О. С.! О. С.! О. С.! Нет, я люблю вас, потому что во мне в самом деле перемена. Я не теряю времени ни минуты без сожаления. Деятельность, деятельность!

«Я скоплю казну, сберегу казну».

6, *пятница*. Все утро (в гимназии не был) писал дневник. После обеда был у Чеснокова; оттуда, как воротился, прислали Кобылины, чтоб играть в карты с Катер. Никол. Воротился, уж был Николай Иван., которого я вчера просил к себе. Уехал сейчас, в 12 часов. Ложусь. Дневника о ней написал 5 страниц.

Благословенна да будешь ты! Жду с нетерпением воскресенья.

7, *суббота*. Как встал, сел писать (это написано в 1 час. после окончания 1 стр. 36 листа ее дневника). После чаю поеду к Малышеву, на минуту к Никол. Иван., после в ряды купить для Стефана стакан, после к переплетчику посмотреть Кольцова.

В 11 час. ходил к переплетчику (Смирнов против Полиции) посмотреть, что делается с Кольцовым. Он его окончательно зо-

^{*} Неразборчиво. Эдмонду? Ред.

лотил. Золотой обрез вышел хорошо. И я пробыл более часу, чтобы все это кончил под моим надзором. При мне он отзолотил корешок и положил заглавие. Все это вышло хорошо. Книга любви чистой, как моя любовь, безграничной, как моя любовь; книга, в которой любовь — источник силы и деятельности, как моя любовь к ней, — да будет символом моей любви (это писано в 3 часа).

После обеда писал и докончил свои впечатления и описание действия на меня того, что я стал ее женихом.

Теперь примусь за свою диссертацию. Вечером жду Николая Ивановича, чтобы ехать к Стефани.

$\frac{1}{2}$ 2-го ночи. Вместо диссертации сел за перечитывание дневника для его дополнения. Приехал Ник. Ив., чтоб ехать к Стефани. У него просидел до сих пор и довольно не скучно, но, наконец, все-таки даже подобное общество теперь потеряло для меня свою прелесть. Стефани человек решительно порядочный. Там был Сорочинский, тоже порядочный человек. Ложусь. Завтра увижусь с нею.

8, воскресенье. Отправился к Чесноковым, с Вас. Дим. к Ольге Андр. Патрикеевой, которая приглашала в пятницу у Чесноковых (спор с маменькою из-за этого), хотел быть в прошлое воскресенье, но не успел. Там посидел около $\frac{1}{2}$ -часа и был весьма доволен, что был, потому что там буду видаться с О. С. Потом был у Малышева, который сказал, что место в Кузнецке будет дано и что нельзя от него отказаться. Потом у Кобылиных, к которым теперь иду обедать, но раньше занесу книги к О. С., потом к ним, от них к Анне Никаноровне.

У Кобылиных скучал; когда время стало подходить к 6, у меня билось сердце. [У] Анны Никаноровны сначала разговор никак не вязался. Потом снова я вовлек ее в откровенность, и она стала говорить о том, что в ее жизни есть гнусная сторона — что она не была ни дочерью, ни супругою, ни матерью; я опровергал эти мысли в известном роде. Когда при эпизоде о положении женщины и о том, что должно быть не так, и о том, как, должно быть, будет, она сказала: «Да будут ли эти времена?» — «Будут», сказал я, и слезы выступили у меня от радостной мысли о том, что будет некогда на земле, — да и теперь текут слезы, и о том, что все это будет, когда нас уж не будет, и когда после этого она стала говорить о том, что вообще жила даром на земле, у меня снова показались слезы. «Нет, на других вы имели больше влияния, чем на меня, потому что я уже несколько установился, когда узнал вас, все-таки видел кое-что, и наши темпераменты слишком различны; но если бы, наконец, и никто кроме меня не знал вас, и тогда вы жили бы недаром, потому что следы знакомства с вами не изгладятся и во мне». И я беспрестанно брал и с чувством истинного участия, симпатии целовал ее руку. Когда мы прощались, я сказал: «Нет, нет, вы жили недаром, если б и я один знал вас».

Какое различие: раньше этот разговор имел бы на меня чувственное действие, теперь я говорил с нею как с сестрою. И я говорил совершенно искренно. У меня были и насмешливые фразы, но не ядовитые, а теплая насмешка. Я был решительно искренен, но мягок, тепел. И все это совершила ты, о моя милая! Да будешь ты благословенна!

С завтра начинается диссертация. О, если бы в начале мая мог я кончить ее!

Писано 10, в 10 часов.

9 марта. — Был в гимназии. С некоторым удовольствием, потому что в охоту. Воротясь в 3^{1/4} от Кобылиных, думал о своей диссертации и словах ее: «Уезжайте в апреле, воротитесь в июле». — Решился ехать в конце апреля. Если к 15 числу не будет готова диссертация о Ипатьевской [летописи], в 10 дней напишу что-нибудь другое, напр., теперь думаю — о заслугах Гумбольдта для теории сравнительного языкоизучения.

Вечером обещал быть у Николая Иван. Не желая терять еще вечера (он хотел быть у Анны Никан.), устроил так, чтобы быть в этот же вечер. Был. Посидел до 11 часов почти. У меня была одна мысль: «я теряю время». Ныне начал писать диссертацию. Может быть и будет кончена к 5 апреля, и тогда можно будет отдать переписывать. В конце апреля постараюсь уехать и чем скорее воротиться сюда.

Писано 11-го, в 11 час. вечера.

10-го, вторник, занимался работою по диссертации — глава о согласовании слов; увидя ее трудность и многосложность, решился оставить до после, а пока отделать главу об управлении слов; этими двумя главами я ограничился; о сочетании предложений не хочу, потому что это нельзя по памятнику, писанному с таким искусством, таким плохим языком, как Ипатьевская летопись. И вот 5 часов, и я собираюсь. Боже мой, собираться начал еще поутру, раздушился и т. д. и — «уходите поскорее и до воскресенья меня не увидите». Боже мой, как мне было грустно, грустно! Я даже заходил к П. Я. Ефр., чтобы рассеяться несколько! Его не было дома. Даже пошел, воротясь домой, к Мелантовичу, у которого посидел с полчаса (по делу об экзамене юнкера Ремишевского). И было так грустно, что просидел бы гораздо более, если бы не заставила меня уйти мысль: «Я не должен терять времени». Грустно было мне. Да и теперь не совсем хорошо.

11-го, среда, в гимназии не был, потому что еще не поправился голос. Весь день писал материалы для своей диссертации: об управлении слов. Завтра «обстоятельства». На первый случай я разбираю 24 стр. до княжения Изяслава, по ним составляю первую черновую и потом буду приписывать остальное. Работал довольно прилежно. Верно часов 8 в сложности сидел. Что-то будет в воскресенье? Не знаю, как оправдаться перед Анною Кирил. Что-то будет в воскресенье?

О, как она благородна, как добра!

Но некогда терять времени. Ложусь, чтоб завтра раньше приступить за работу. Начинаю работать с удовольствием, потому что должен работать, должен спешить для нее, и потом вижу, что может быть будет что-нибудь интересное для науки. Во всяком случае теперь я вижу, что хорошо и основательно выйдет о двойственном числе. Начинаю пересматривать и свой словарь, чтобы его переписка не задержала меня.

Сообразил, что печатание диссертации не может задержать: в 3—4 месяца, конечно, успеют напечатать.

Милая моя! если бы ты любила меня!

12, четв. Встал в 6^{1/2} и прямо за работу.

(Писано 13-го в 9 час. перед гимназией.)

После того как воротился от Кобылина, да и раньше, и вчера вечером, тосковал страшно, так что не мог приступить за работу после того, как пришел от Кобылиных. Письмо. Вследствие этого 6^{1/2}—8 у них, после у Палимпсестова до 10^{1/2}. Говорили о различных вещах, я был весьма разговорчив, оттого что мне было легко на душе и для того, чтоб не дать завязаться продолжительному разговору об О. С., потому что я тут высказался бы (у Палимпсестова [был], потому что он звал, говоря, что будет Николай Иванович).

13, пятница, утро работал, теперь в гимназию. Потому что нужно пройти по программе; в классе буду работать. Теперь мне легко, потому что переговорил с нею. Хотя не о всем, но во всяком случае о том, что у меня в письме, и увидел, что она верит мне. Опишу свидание после обеда. Утром ныне работал. Вечером буду снова.

Писано 14-го, суббота, 12 час. Только что уехали Николай Иванович и Евгений Александрович.

13-го, пятница, после обеда к Корелину, который сказал мне через Пескова, что болен, но ему нужно говорить со мною. Я хотел эти дни работать, но нечего делать. В самом деле должно спешить. Поехал, его нет дома; несчастный, несмотря на свою болезнь, он отправился в ростепель от Сенной площади к Покрову продавать краски. Воротился к Николаю Ивановичу, от которого поехал к нему, должен был дожидаться. Не совершенно напрасно потратил время, потому что написал письмо к брату. После к Корелину, к сапожнику, наконец к Николаю Ивановичу. Переговорил о метрическом свидетельстве Корелина с Прудентовым, — добрый человек — и с каким восторгом рассказывал о том, как строил дом. Да, умиление, умиление, которое приятно трогает слушателя. После этого поехал от Николая Ивановича, воротился домой в 9^{1/2} часов — работать некогда. Но все-таки я не жалел об этом вечере, потому что употребил его на пользу ближнего.

14-го, суббота. Разговор с директором, который, по его мнению,

поступил благородно, отказавшись доносить на меня в Казань²⁴². Конечно, благородно с его точки зрения. Я хотя не разделял ее, но был растроган. Инспектор много смеялся нашей дружбе. Я не был бы в состоянии вести себя так раньше, когда не был уверен в своей силе и в том, что я не трус и не малодушен. Но теперь я был спокоен и мягок и *просил* его, а не требовал, чего раньше не мог сделать. Вообще я доволен собою в отношении этого: не уступил и не струсил, но был чрезвычайно мягок и даже нежен. После того, как пришел из класса, я устал. Пошел к Чесн., потому что Вас. Дим. заходил вчера, и узнал, что он приходил, чтобы звать к себе, потому что у них будет Катер. Матв. Я пожалел несколько, потому что славная девушка и мне было бы приятно поговорить с нею — вовсе не любезничая; теперь я перестал любезничать с кем бы то ни было, кроме нее, кроме нее.

Пришедши, стал пересматривать свой дневник за петербургскую жизнь и нашел место о вечере у хозяек Ивана Вас. Писарева. Это место таково, что я захотел прочитать его Ольге С. и прочитать завтра, если будет можно. А теперешний дневник кончить уж после. Стал работать — приехал Ник. Ив., послал за Евг. Ал., и они просидели с 7^{1/2} до 12. Итак, и ныне я почти не работал. Ничего, работа довольно спорая.

Завтра, в воскресенье, я должен быть у Корелина, может быть у инспектора, у Акимовых (О. С. сказала, что неловко не быть, потому что как будто бывал раньше только для нее), у Город., если достанет времени; раньше хотел к директору, чтобы высказать ему, что я оцениваю его поступки со мною, но теперь не буду, потому что не достанет времени. Это можно будет высказать и пред отъездом и будет гораздо лучше.

Вечером буду у нее. О моя милая невеста! Ты делаешь меня счастливым, ты дала мне мир с самим собою, ты дала мне счастье теперь, ты даешь мне надежду на счастье во всю нашу жизнь.

Да будешь ты счастлива.

Но перечитаю несколько дневник о ней для дополнений.

Писано 17-го, во вторник, в 8^{1/2} веч.

15, воскресенье, был до обедни у Корелина, после у Город., которому должен был заплатить визит, после у Акимовых, потому что ей так казалось нужным. Любезничал, т.-е. шалил, с Вороновой. Пав. Вас. принял меня радушно и спросил наконец, правда ли, что я женюсь на О. С. — «О. С. прекрасная девушка, но я через 1^{1/2} месяца уезжаю, тотчас после пасхи, и когда я приеду в Петербург, у меня останется всего 20 р. сер., — тут нельзя жениться». Вечером был у нее. Как мне было прискорбно, что она не хотела, чтоб я был поутру поздравить ее. Вечер у нее описан в дневнике о ней.

16-го, понедельник, как пообедал, был у Колесникова, после к ней, отвез два первых номера «Современника», которые взял у

554

Колесн. От нее заехал к Чесноковым, где застал Шапошникова, который смеялся, что я украл из гимназической библиотеки Кольцова. Вечером Вас. Дм. был у меня. Я его приглашал, чтобы поговорить об О. С., но скоро (при моей помощи — так я привык лицемерить и вести разговор вовсе не о том, что мне хотелось бы, а говорить о чем хочется только как бы потому, что другие сами говорят об этом) разговор перешел к политическим вопросам и продолжался так до самого конца. Когда он стал вставать, я удерживал его: «Поговоримте об О. С.», но он сказал: «Теперь я занят не тем». — В самом деле славный человек и искренно предан высоким мыслям об общественных делах.

17-го, вторник. Утром написал письмо к Введенскому, которое вечером отнес Сережа вместе с письмом к Саше, написанным у Николая Иван. Когда пошел к Кобылиным, встретил на лестнице Анжелику Алексеевну, которая сказала, чтоб я обедал у них. Так пришел домой в 6 час. Жаль было терять время. Идя туда, занес книгу, которую нужно было купить, Василию Дм., в Казенную палату; сказал ему, что в четверг буду у Сокр. Евг. Он сказал, что он любит шуточный разговор и что я должен шутить, он будет хотать и будет доволен мною. После баня. После бани сел за дневник о ней, тотчас после пишу это. Теперь принимаюсь за работу. Окончил выписки, теперь должен буду писать и дополнять их. После разбирать и составлять. К воскресенью эти предварительные работы будут кончены. Посмотрю еще до того времени несколько своего словаря, который скоро должен буду отдать снова переписывать. Завтра нигде не буду, если не будет крайней надобности. После завтра буду у Сокр. Евг., т.-е. увижусь с ней.

18-го, среда, 10 час. веч., после того, как писал в дневнике о ней. Из гимназии пришедши — устал. Как отдохнул — к Чесноковым. Там Вас. Дим. говорил мне, что будет просить ее быть завтра у них, потому что именинница бабушка Дарья Гавриловна. Это меня оживило. Может быть и будет — едва ли однако. Но я хочу надеяться. Как пришел оттуда, отправился снова к нему, чтобы идти вместе к Евг. Алекс., который присылал за мною, у которого был Николай Иван. и Максимов. Там просидел до 10. Работал весьма мало, потому что беспокойство некоторое от моей любви и от того, что бог знает, увижу ли завтра ее, как думал. Однако начал разрезывать и завтра начну писать. Если бы завтра увидеть ее. Я решительно влюблен, мало того, что люблю. Мне совестно за себя. Ну как же такому серьезному человеку, как я, быть влюбленным — воля ваша, Ольга Сокр., вы довели меня до глупого состояния. Как можно с нетерпением дожидаться: «когда я увижу ее!!» Как можно волноваться от мысли: «а если моя надежда увидеть ее не сбудется?» Но — влюблен, так влюблен, от этого я счастлив, от этого я тверже, решительнее. Люблю вас, Ольга Сократовна, люблю вас. Любовь моя решительно, реши-

тельно справедлива, решительно оправдывается рассудком, но сильна до нерассудительности.

Писано в пятницу, 20-го марта, после как писал в дневнике о ней.

Четверг, 19-го. И вот я собирался видиться с ней, и какое безутешное было свидание! Как грустна была она! ²⁴³ Более ничего не хочу писать. О, какая скорбь поразила ее!

Пятница, 20 марта. Когда я собирался идти к Сокр. Евг., маленька ужасно кашляла, поэтому я, не успевши застать Сокр. Евг., пошел к Шапошн. спросить у А. Ив. березовки. Я был расстроен так, что это заметил и Сергей Гавр. и Серафима Гавриловна. Я был расстроен и озлоблен. Наконец, я не выдержал и сказал, когда меня спрашивали все, о чем я задумался: «Я думаю о девице, и, если угодно, скажу, что я думаю, а потом, если угодно, скажу, о ком думаю. Я думаю вот что: некоторые находят, что эта девица недурна. Я нахожу, что это неправда. Многим кажется, что она хорошо себя держит. Я знаю, что она кокетка. Многим кажется, что мне было приятно говорить с ней, я даже имел какие-то намерения относительно ее. Я говорю, что это неправда, что мне всегда была она противна. Вот что я думаю о ней. Теперь, если угодно, я скажу ее имя. Я начну поодиночке и поочередно и скажу Конст. Петровичу» (он сидел подле меня, мы играли в вист). Я встал, нагнулся и сказал ему на ухо: «Это Серафима Гавриловна». «Теперь, — сказал я вслух, — вам предоставляется, Конст. Петрович, решение, можно ли передать это другим». — «О, как вы злы, как вы никого не щадите — не говорите с ним, пожалуйста; я таким злым никогда его не видел». Серафима Гавр. все упрашивала его, чтобы он сказал — глупая, гадкая! Она думала, что это я говорю об О. С., да мне весело было вводить ее в это обольщение, хоть потому, что говорилось раньше (что Конст. Петрович очень приятно играть вместе с Сер. Гавр., и потому что я после говорил, чтобы он не увлекался, как, кажется, увлекается этою девицею, о которой я говорил, и вообще по ходу предыдущего и следующего разговора было весьма ясно, что я говорю о Серафиме Гавр. — глупая, скверная девчонка! Мне опасно подвертываться под руку. Я не хочу ударить тебя, как мог бы и как хотелось бы мне ударить тебя, — но я, насколько мне вздумается, не пощажу). Потом я через несколько времени засмеялся. «Что вы смеетесь?» — сказала Сераф. Гавр. «Я смеюсь некоторым предположениям, которые имели о моих намерениях и может быть имеют до сих пор. Когда меня на-днях спрашивали, справедливы ли эти предположения, я сказал, что они оскорбительны для меня (я говорил это Воронову, когда мы ехали с ним и с Вас. Димит. 15 марта от Васильевых; говорил Катерине Матв., когда был у них в первый раз; писал это брату и показывал это письмо Василию Димитр.), что я обижаюсь ими и что мне совестно за тех, которые их считают сколько-нибудь вероятными». Она верно поняла снова об О. С. —

«Вы говорили слишком ясно», — сказал Конст. Петр., когда мы пошли вместе. — «Она не поняла», — сказал я. Это скверная девка.

Серафима Гавр., — когда стали говорить об Анне Кирил., о чем я с нею говорил — о Венедикте, что ему должно ехать в университет, — вклеила так: «Как ему теперь ехать, он еще молод, он двумя годами моложе Ольги Сократовны; впрочем, это уж не значит, чтобы он был молод». Мне хотелось сказать, что это правда, потому что это потешало меня — как будто я не знаю ее лет и как будто я думаю, что ей 16 лет!

Глупая девчонка! Ты думаешь еще, что это я говорил о ней, а не о тебе.

Глупая девчонка! Гадкая, злая, мерзкая девчонка.

Суббота, 21-го марта, 11 час. вечера.

Утро пробыл в гимназии, между классами сходил (лошадь несколько дней назад пропала) к Елене Вас. Акимовой поздравить с причащением, потому что хочу подольститься к ней, чтобы не мешала нам и не озлилась на меня. Из класса к Чеснокову и Белову, после ко всенощной, где думал иметь возможность переговорить с нею, но кругом стояли гимназисты, главное Воронов, поэтому я тотчас ушел к Палимпсестову, где застал Пригаровского. Меня весьма радовал разговор с Сераф. Гавр., и я рассказал его Федору Димитр. и Палимпсестову. Завтра буду у них, чтобы просить Сократа Евг. к маменьке, которой здоровье весьма расхилилось.

Завтра увижу ее непременно. Если не удастся, буду у них в понедельник.

В церкви она стояла у пещки в маленькой комнате, в которой дверь направо от входа в переднюю.

О, моя милая, как я люблю тебя!

Палимпсестов показывал два списка девиц с выставленными баллами их достоинства. Один был составлен по алфавитному порядку, и О. С. стояла первая под В, и против нее поставлено 5. В другом списке, который был составлен не в алфавитном порядке, она стоит самая первая и снова против нее 5, а в списке по алфавитному порядку из 200 девиц всего против четырех стоит 5, не более и в другом списке. Она решительно первая по общему мнению. Это меня обрадовало за нее. Я горжусь ею. О, моя милая, да будешь ты счастлива! Но я теперь в горести, потому что ты горюешь. И я до сих пор не имел возможности облегчить твою грусть! Я похудел от тоски из-за нее. Это мне все замечают — и ныне в гимназии, и Палимпсестов тоже.

О, моя милая! Как чиста моя любовь к тебе!

Я не мог работать от тоски. Но эта тоска сладка, потому что я тоскую твоею тоскою, мой милый (как мне хочется употребить слово ангел, но не буду употреблять его, потому что не хочу осквернять ее этим пошлым названием), о, мой чистый, мой нежный, благородный друг!

Писано 27 марта.

Не хотел ничего писать раньше объяснения ее гнева на меня в воскресенье у Акимовых. После было решительно все время занято, и только теперь по окончании вписывания своих чувств в дневник о ней принимаю за этот дневник.

22-го, в воскресенье. Утром был у Патрикеевых, не застал там ни ее, ни Катер. Матв. Поэтому пошел к Малышеву, которого не застал дома, и после к Кобылину, у которого и обедал. Вечером прямо от Кобыл. к Акимовым.

23, 24, утро 25, был ужасно расстроен, не был у нее и не писал ей, чтобы более не оскорбить ее.

23-го поэтому не был и в гимназии. Ходил к Николаю Иван. После обедал у Кобылиных. Вечером был так расстроен, что не хотел идти даже к Евгению Алекс., чтобы несколько уйти от себя. Но пришел он и просидел до 11. Все эти ночи воскресенье, понедельник, вторник не спал до двух или трех [часов], потому что слишком мучился.

24-го, вторник, утро работал, после Кобылина снова работал, в 6 часов к Евгению Алекс. и с ним и Максимовым к Василию Дим., у которого до 10. Максимов говорил несколько о ней.

25-го, утром в церкви. После у Кобылиных, к Патрикеевым не хотел зайти, чтобы не заметили слишком, что я только для нее. Обедал у Кобылиных. После у Патрикеевых, где довольно много говорил с Лидией Ивановой — славная девушка. После Патрикеевых Василий Дим. зашел ко мне; тут, когда я просил его зайти ко мне, он сказал: «Я привязан к вам, Николай Гаврилович, как собака». Сначала говорил о мне и ей, после он стал говорить о себе. Мне было совестно не войти в его положение после такой привязанности, и я говорил о том, что ему следует ехать в Петербург. Просидел до 12.

26, четверг, в гимназии не был. Вечером у нее. Сократ Евг. говорил умнее, чем я ожидал. Он умный человек.

27, пятница. — Был в гимназии, ничего особенного не было там. Вечером у Николая Ивановича.

Да, в четверг был именинник Шапошников — отец. Я долго сидел у них и дочь сидела и говорила со мною с удовольствием. Глупенькая, неужели она до сих пор не поняла смысла моих слов? Я зол на нее и ругаю ее везде, где есть ее знакомые. Я не прощаю ей этого. «Венедикт двумя годами моложе Ольги Сократовны, впрочем, уж он не так молод». У Николая Иван. (пятница, ныне), наконец, предложил ему Рычкову и завтра поговорю об этом с О. С.

Милый мой друг, милый мой друг!

28, суббота. — Писано в перемену в 10 час. (до этого времени все писал дневник о ней).

Когда стал одеваться, принесли от Николая Иван. записку, чтоб не говорил о нем у Васильевых; тотчас сел писать ответ, что

не должно обращать внимания на толки матери, и по-немецки написал, что я, напр., ныне говорю с отцом моей невесты: может быть мне вздумают мешать, тогда я скажу, что лишу себя жизни. И после не позволю ни одного слова, ни одного намека на отношение между мною и женою. Теперь он может понять, кто моя невеста, оттого что я сказал ему, что завтра буду у Васильевых. Но что же делать? Скажу ей, впрочем, об этом.

Писано 30 марта, вторник, в 5 часов утра.

Как оделся после обеда, — к О. С.; от них в 9 час. к Евгению Алекс., где не застал, однако, Николая Ивановича.

Воскресенье, 29-го, был у поздней обедни, после все дождался, когда можно переговорить с папенькою; потом обедать к губернатору. Оттуда к Мелантовичу, чтобы дать время несколько пройти шуму в голове, потому что я слишком много пил и несколько шумело; потом лежал для этого же несколько времени наверху, и, наконец, разговор с маменькою. Я готов был на самоубийство. И верно решился бы.

30, понедельник, из гимназии и после от Кобылиных в 3½ час., после обеда тотчас одеваюсь; разговор с маменькою. Наконец, в 6¼ час. у них; после снова разговор, но уже в мирном духе с маменькою и папенькою. Лег в 10 час. «Надо достать денег», эта мысль не давала мне покоя, и она разбудила меня в 4 часа. Теперь все думаю об этом. Прежде всего к Ник. Иван., если не даст — что делать? Посоветуюсь с кем-нибудь — может быть с Вас. Дим. — после переговорю даже со своими о деньгах. Мне нужно 1 000 руб. сер. Верно, когда он настаивать хотел * заплатить этот долг. Но это все равно. Где бы то ни было, достану денег. Наконец, если ничего не удастся, обращусь к Сократу Евгеньевичу.

Принимаюсь за работу.

Писано 1 апреля, среда, после гимназии.

31-го, вторник, утром был у Николая Иван. Только вошел я, как приехал Фрейман просить денег. Николай Иван. не дал ему и сказал, когда он уехал, что не даст без залога. Потом я сказал ему о том, что сделал вчера предложение. Он спросил меня о деньгах, но не предложил своих; поэтому я и не стал ему говорить; не стану говорить и со своими, потому что не хочу одолжаться кем бы то ни было и потому что, кажется, они немного на меня дуются, а скажу ей, что если она не усомнится расходовать свои деньги на переезд, обзаведение и первое время жизни, то так, если нет — мои надежды на Костомарова разрушились, но, если угодно, я постараюсь достать в другом месте.

* Неразборчиво. Ред.

Писано 3 апреля, в 6 час. утра, пятница.

В среду я пошел к губернатору, чтоб доставить удовольствие маменьке, воротился оттуда — записка от Тыщенко: у Васильевых была Катер. Матв. и просила послать за мною. Но главное, Анна Кирилловна меня ждала и поручила сказать это Венедикту в классе, тот по обыкновению не сказал. Я пришел от губернатора почти в 8 час. Маменька была недовольна: «Зачем ты окольными путями?» — «Какими окольными путями?» — Снова разговор, снова неприятности. Наконец, у них. Анна Кирил. дала мне свое «будущему сыну» и велела написать о супружеской жизни. Я пошел к стоянию, чтобы угодить маменьке, но мне хотелось прочитать поскорее, что она пишет, и поэтому я ушел из церкви и стал читать под лампою на губернаторском подъезде; воротился домой, сказал, что это послала Анна Кирилловна и посылала сына, тот послал Тыщенко. Маменька успокоилась.

2 апреля, четверг, утром был у Кобылина, после в гимназии (Палимпсестов был накануне советоваться о поездке в университет, я ему отнес программу), в 4½ к Анне Кирил. Там был Вас. Дим. Разговор с О. С. не вязался при других; я ей дал впрочем прочитать свой ответ Анне Кирил. и отдал ее «будущему сыну». Анна Кирил., кажется, в ужасной радости, что избавляется от О. С. По крайней мере, со мною чрезвычайно мила. Сократ Евг. весьма просто, весьма холодно, но он мне нравится. Вот, наконец, нам объявили, что мы жених и невеста. Ворочаюсь домой в 9 час., прошу папеньку завтра [поехать]. Сначала не согласился, потому что все недоволен: ему кажется неблагоприятно, я ему говорю о своих расчетах, хвалю себя и т. д. Наконец, согласился ехать завтра, т. е. ныне поутру. По его мнению, должно сказать Федору Степан. и Ан. Иван. — Ан. Иван. и так узнает. — Ольга Сокр. хотела приехать вечером к маменьке. С папенькою у меня были довольно искренние объяснения.

Теперь отправляюсь за кольцами, потом к ним, к Фед. Степ. После домой, вместе со своими снова к ним. В гимназии не был. Завтра скажу директору о разрешении. У Сократа Евг. обедаю. Может быть, и папенька обедает. Кажется, и папенька и маменька перестали почти быть недовольными, особенно папенька, кажется, теперь успокоился. Все идет хорошо, и я умею уговаривать людей, потому что и папенька, и даже маменька собираются делать по-моему. Папенька доволен.

Писано 4 апреля, в 12 час. утра, между классами

Был у Фед. Степ. Потом с папенькою к ним. Потом папенька за маменькою, чтобы воротиться к 12 часам. Я остался, они долго не приезжали. Я предчувствовал это и предчувствовал, что сделал глупость, что не поехал с папенькою. Наконец, О. С. послала меня за ними, но я встретил их на дороге. Маменька после обедни вздумала пить чай — как это нехорошо! Ольгу Сокр. ужасно тяготило

(8 June 1863. 82 a.m.)

взг. Астрографів. Висновок ^{визначено} ~~визначено~~ ^з ~~з~~ ^{карти}.

[illegible]

РУКОПИСЬ «ИЗ АВТОБИОГРАФИИ»

Архив революции в Москве

ожидание — наконец, когда я воротился с ними домой, у меня сидел Палимпсестов, который дожидался меня. С ним я посидел с час, между прочим чтобы дать время пройти голове, в которой немного шумело, потому что я выпил 3 рюмки хересу и 3 бокала шампанского. Снова к ним. Вечером маменька была со мною ласкова и, кажется, довольна мною. Папенька сказал, что резва. Должно быть не совершенно нравится. Но маменька по обыкновению хитрит. Я спрошу О. С., хочет ли она быть у них и просить ли маменьку снова к ним ехать.

Ночью все время был в некотором волнении физическом, было напряжение, но только напряжение и больше ничего; мысли оставались целомудренны.

4 апреля, утром был у директора; право разрешения²⁴⁴ у него, это хорошо. Две недели можно не ходить, это хорошо. Несколько успею поработать в это время и буду бывать только в 7 классе. Потом к Чеснокову, которому сказал это. Вечером у них.

Писано 8 апреля в среду, в 11 час.

Маменька больна²⁴⁵, и я все сидел в ее комнате и только, когда уснула крепко, ушел на минуту.

В субботу вечер просидел у них, был в 7 классе.

5-го, воскресенье. — Снова у них весь день. Был у Палимпсестова в 6 часов, пока О. С. ездил в ряды.

6-го, понедельник, в гимназии быть некогда было, потому что должен был заказывать шкатулку. По этому случаю был у Паля снова. Паль не берется. Вамсганц* взялся и дал чинарового дерева на пробу. Пусть будет чинаровая. Мне пришло в память: «У Черного моря чинара стоит молодая»²⁴⁶, — так роскошна ты, моя милая.

Взяли с папенькою на фрак, отдам Мейендорфу. Был у Кобылина, Анжелика Алексеевна очень рада и хвалит ее.

7, вторник. — Снова у Вамсганца. У Кобылиных обедал, потому что ее не было дома в это время. Она говсает и от вечерни в ряды. Вечером страшно больна маменька, просидел у нее до часу, тогда она успокоилась. В 6 час. снова разбудили меня.

8, среда. — До этого времени просидел у маменьки в комнате; во время обеда, может быть, удастся побывать у нее. Нужно еще купить погребок и конфет для Рычковых. Иду к маменьке, если не проснулась, запишу вчерашний день в ее дневнике**.

* Фамилия неразборчива. *Ред.*

** «Страницы, которые могут быть интересны для Ольги Сократовны (это пишу 14 марта накануне дня ее рождения — 15 марта, воскресенье): 4 стр., конец — о женихах, не внушающих неприятного чувства; 5, 16 [строка] внизу; 8, [строка] 28; 17, мнения о Василии Петровиче; 18, конец; 25, начало; 28, 12 [строка] снизу.» (Пометка Н. Г. Чернышевского к Дневнику 1848 г.; указанные места соответствуют следующим страницам настоящего издания: 43, 14 строка и след. снизу; 44, 8 и след. снизу; 49, 14 и след. снизу; 63, 15 и след.; 66, 5 и след. снизу; 80, 22 и след.; 85, 21 и след.) *Ред.*